

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ОТРАЖЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье освещены некоторые вопросы, связанные с необходимостью надлежащего отражения положений международных договоров Российской Федерации в уголовном законодательстве и правоприменительной практике, которые следует учитывать как законодателям, так и правоохранителям с целью обеспечения выполнения обязательств и реализации прав, вытекающих для России из таких договоров, и повышения эффективности межгосударственного сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью.

Ключевые слова: трансграничная преступность, международный договор, уголовное право, законодатели, состав преступления, правоприменительная практика.

**SOME ISSUES OF REFLECTING
PROVISIONS OF INTERNATIONAL
TREATIES OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN ITS CRIMINAL
LEGISLATION**

This article deals with some issues related to the necessity to properly implement the provisions of the related international treaty obligations of the Russian Federation into its criminal law. These aspects should be taken into account both by law-makers and law-enforcement authorities in order to ensure the implementation of the obligations and the use of the rights derived from the Russian international treaties and to foster the international co-operation in combating transnational crime.

Keywords: transnational crime, international convention, criminal law, law-makers, corpus delicti, law-enforcement.

В последние 50 лет отчетливо проявилась тенденция к возрастанию роли международного сотрудничества в решении одной из наиболее актуальных глобальных проблем современности – проблемы преступности. Это обусловлено, в частности, необходимостью предупреждения, пресечения и расследования целого ряда преступных деяний, представляющих международную опасность, борьба с которыми может вестись эффективно только при взаимодействии заинтересованных членов мирового сообщества и рациональном сочетании внутригосударственных и международных усилий. К таким преступлениям относятся в первую очередь терроризм, трансграничная организованная преступность, включая незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, кибер-

преступность, торговля людьми, коррупция, морское пиратство.

В решении этой проблемы всё большую роль играет международное право, активно вмешиваясь в правовое регулирование и практику противодействия преступности как на международном, так и на национальном уровнях. Это привело, среди прочего, к существенному росту соответствующих международно-правовых обязательств СССР, а после его распада в декабре 1991 г. – и Российской Федерации. Отметим, что после распада Советского Союза к России как государству – продолжателю СССР перешли обязательства в отношении более 150 двусторонних и многосторонних договоров (межгосударственных, межправительственных, межведомственных), в которых регламентированы те или иные вопросы, связанные со всем комплексом вопросов борьбы с преступностью – от предупреждения преступлений до постпенитенциарной по-

¹ Помощник Головинского межрайонного прокурора г. Москвы.

© Зимин В.В., 2017.

мощи правонарушителям. По нашей оценке, за относительно небольшой срок своего существования Российская Федерация, по меньшей мере, удвоила это число.

Международные договоры Российской Федерации, прежде всего в области борьбы с преступностью, имеют значение как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности всех элементов правоохранительной системы, включая полицию, службы безопасности, органы следствия, прокуратуры и судов.

Многие нормы как уголовного закона, так и уголовно-процессуального права не могут рассматриваться, а их реализация не может осуществляться в отрыве от международных обязательств Российской Федерации [1–5], и число таких норм растет. В целом не менее 50 статей УК России (как Общей части, так и Особенной) так или иначе связаны с международно-правовым регулированием. При этом следует отметить, что многие статьи УК России содержат отсылку к нормам международного права или международных договоров Российской Федерации (например, ч. 2 ст. 1; ч. 3, 4 ст. 11; ч. 2, 3 ст. 12; ч. 2 ст. 13; ст. 355 и ст. 356).

В международных договорах Российской Федерации затрагиваются различные уголовно-правовые вопросы: юрисдикция [6], включая уголовно-правовую и уголовно-процессуальный иммунитет, состав преступления, ответственность за приготовление, покушение и соучастие, отягчающие и смягчающие обстоятельства, виды наказания, учет иностранных приговоров для рецидива и др.

Прежде всего это относится к нормам, содержащимся в договорах, заключенных в рамках межгосударственных организаций (таких, как ООН и ее специализированные учреждения, Совет Европы, Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества, Организация экономического сотрудничества и развития) и полностью или частично посвященных вопросам борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Российская Федерация является стороной более 40 таких международных договоров (тексты большинства из них см. в [7], [8]. Об отличиях международных преступлений от преступлений международного характера см. [9]).

К договорам Российской Федерации о борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность, в частности относятся: Международная конвенция по охране подводных

телеграфных кабелей (1884 г.), Конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (1923 г.); Международная конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков (1929 г.); Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.); Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (1949 г.); Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (1956 г.); Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.); Конвенция о психотропных веществах (1971 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.) с Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 г.); Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.); Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.); Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 г.); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания (1984 г.); Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.); Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990 г.); Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала (1994 г.); Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (1997 г.); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1998 г.); Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.); Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и дополняющие ее Протокол против незаконного ввоза мигран-

тов по суше, морю и воздуху (2000 г.) и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (2000 г.); Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (2000 г.); Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.); Конвенция ООН о борьбе с коррупцией (2003 г.); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005 г.); Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005 г.); Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (2007 г.); Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (2007 г.).

В международных договорах, заключенных в целях борьбы с отдельными преступлениями, основным является обязательство государств-участников квалифицировать указанные в этих актах деяния как преступные (см., например, ст. 1 Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, ст. 1 и 4 Конвенции против пыток и других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ст. 5–9 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, ст. 12 Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма). Но обязательно ли в таких случаях введение соответствующего уголовно-правового запрета в национальное законодательство? Этот вопрос тесно связан с более общей проблемой соотношения и взаимодействия международного и внутреннего права, привлекающей внимание многих ученых и практиков – как юристов-международников, так и специалистов уголовно-правового профиля.

Приведем, к примеру, позицию И.И. Карпеца: «Преступления международного характера – это деяния, предусмотренные международными соглашениями (конвенциями)..., наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных соглашениях (конвенциях)..., либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями» [1, с. 48].

Полагаем, однако, что мнение о том, что уголовная ответственность может наступать соглас-

но только международно-правовым договорным нормам, верно пока лишь для случаев осуществления международного правосудия в отношении международных преступлений. Примерами международного уголовного правосудия *ad hoc* являются Нюрнбергский и Токийский военные трибуналы для суда над главными военными преступниками Германии и Японии после Второй мировой войны, а также Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. (МТБЮ), и Международный трибунал по Руанде, учрежденные решениями Совета Безопасности ООН, соответственно от 25 мая 1993 г. и от 8 ноября 1994 г., которые обязательны для России как члена ООН, но международными договорами не являются. Кроме того, с 2002 г. на постоянной основе функционирует Международный уголовный суд (МУС), созданный в соответствии с Римским статут Международного уголовного суда (1998 г.), в котором Россия не будет участвовать, по крайней мере, в ближайшем обозримом будущем из-за дискредитации идеи международного уголовного правосудия политизированной практикой МТБЮ и МУС [10].

В остальных же случаях, по нашему мнению, должен применяться национальный уголовный закон. Во-первых, уголовная ответственность и меры наказания устанавливаются только законом (принцип “*nullum crimen, nulla poena sine lege*”). Во-вторых, даже если в международном договоре России субъективная и объективная стороны состава преступления определены достаточно четко для их применения правоохранительными органами, перед судом неизбежно возникнет проблема назначения наказания. Ведь предписания о санкциях имеются не во всех договорах, и сформулированы они, как правило, в виде обязательства общего характера установить соответствующие наказания за совершение указанных в них преступлений с учетом их тяжкого (серьезного) характера (см., например, ст. 2 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, п. 2 ст. 7 Конвенции о физической защите ядерного материала) или «применять суровые меры наказания» (статья 2 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации). Есть и более определенные договорные положения о санкциях (например, предусматривать применение «таких санкций, учитывающих серьезный характер этих право-

нарушений, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация» (пункт 4 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ). Однако и это не оставляет суду иной возможности, как в определении меры наказания прибегнуть к аналогии, которая, как известно, в уголовном праве запрещена (ч. 2 ст. 3 УК России).

По нашему мнению, во всех случаях, когда государство принимает на себя обязательство рассматривать определенные в конкретном международном договоре деяния как преступные, а действующее законодательство не обеспечивает адекватного выполнения этого обязательства, законодатель обязан внести необходимые дополнения или изменения в уголовный закон. В противном случае будет нарушен один из основных принципов международного права – принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву, проистекающий из нормы римского права *“pacta sunt servanda”* («договоры должны выполняться») [11].

Следует сказать, однако, что не все принятые Россией международно-правовые обязательства признать определенные деяния преступными нашли соответствующее отражение в ее уголовном законодательстве. Это относится, например, к такому международному преступлению, как апартеид. Статьи II и III Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него. Каким бы «экзотическим» ни казалось для России это преступление против человечества, но его необходимо включить в ее уголовный закон (тем более, что ст. VI указанной Конвенции предусматривает обязательство установить универсальную юрисдикцию в отношении апартеида).

Необходимо установление уголовной ответственности и за несанкционированное вещание из открытого моря, как оно определено в ст. 109 Конвенции ООН по морскому праву.

«Ушла» из уголовного законодательства статья, обеспечивавшая выполнение обязательства по криминализации деяния, предусмотренного в Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей (1884 г.) – старейшем договоре России в области борьбы с отдельными преступлениями, представляющими международную опасность и введенная в республиканские уголовные кодексы еще в 1926 году. О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями, вытекающими из признания имеющими силу для Союза ССР Брюссельских конвенций от 23 сентября 1910 г. о столкно-

вении судов и оказании помощи и спасении на море и Парижской конвенции от 14 марта 1884 г. об охране подводных телеграфных кабелей [12].

Включением в уголовное законодательство России норм, отражающих ее договорные обязательства по борьбе с отдельными преступлениями, законодатель не только формально реализует международно-правовой принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Этим создается необходимая правовая основа для привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан, совершивших преступления вне пределов России и оказавшихся на ее территории, в случаях, когда они не выдаются другому государству, а в соответствии с международными договорами сфера уголовной юрисдикции России расширяется в целях осуществления принципа неотвратимости ответственности за совершение преступных деяний, представляющих международную опасность, включая в отдельных случаях реализацию универсальной уголовной юрисдикции [13; 14]. При этом компетентные органы России получают относительную свободу выбора решений – в основном в рамках правила *“aut dedere aut judicare”* – «выдай или суди» (см., например, п. 1 ст. 8 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, ст. 10 Конвенции о физической защите ядерного материала).

Кроме того, если Россия не выполнит своего обязательства по криминализации какого-либо деяния, предусмотренного в ее международном договоре, она не сможет сотрудничать с другими государствами – участниками этого договора и третьими странами в вопросах выдачи лиц, совершивших такое деяние, поскольку одним из обязательных условий выдачи является наказуемость деяния, в связи с которым запрашивается выдача по уголовному законодательству как запрашивающего выдачу государства, так и запрашиваемого государства (правило *“double criminality”*).

Российский законодатель должен также учитывать международно-правовые нормы и при установлении санкций за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Это связано, в частности, с тем, что, согласно положениям многих договоров о борьбе с отдельными преступлениями, Россия обязана включить эти деяния в категорию экстрадиционных, т.е. влекущих выдачу (см. ст. 8 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности). А в соответствии с договорами, рег-

ламентирующими вопросы выдачи, в эту категорию, как правило, входят преступления, за совершение которых по законодательству обоих государств (запрашивающего и запрашиваемого) может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание [15]. Некоторые международные договоры Российской Федерации прямо предусматривают обязательство установить за предусмотренные в них деяния наказание в виде лишения свободы на срок, достаточный для обеспечения эффективной взаимной правовой помощи и выдачи (см., в частности, п. 1 ст. 3 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок).

Мы затронули лишь некоторые из многих вопросов, связанных с необходимостью надлежащего отражения положений международных договоров Российской Федерации в уголовном законодательстве и правоприменительной практике, которые следует учитывать как законодателям, так и правоохранителям с целью обеспечения выполнения обязательств и реализации прав, вытекающих для России из таких договоров, и повышения эффективности международного антикриминального сотрудничества.

Литература

1. Карпец И.И. Преступления международного характера. – М., 1979.
2. Игнатенко Г.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – Свердловск, 1980.
3. Блищенко И.П. Соотношение норм международного и национального уголовного права // Проблемы реализации норм международного права. – Свердловск, 1989.
4. Зимин В.П. Реформа уголовного законодательства и обязательства России по международным договорам о борьбе с отдельными преступлениями // Проблемы развития правоохранительных органов : труды Академии МВД Российской Федерации. – М., 1994. – С. 86–96.
5. Кибальник А. Порядок применения международного уголовного права в национальной юрисдикции // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 61–62.
6. Каюмова А.Р. Международно-правовые аспекты уголовной юрисдикции государств: некоторые вопросы теории и практики : монография. – Казань, 2009.
7. Действующее международное право : в 3-х т. – М., 1997. – Т. 3. – Разд. XVII.
8. Международное уголовное право в документах : учебное пособие : в 2-х т. / сост. Р.М. Валеев и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2010.
9. Степаненко В.И. О понятии международного уголовного права // Правоведение. – 1982. – № 3. – С. 72–73.
10. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 47. – Ст. 6630.
11. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 26.
12. Постановление Президиума ЦИК СССР от 5 марта 1926 г. // СЗ СССР. – 1926. Отдел 2. – № 22. – Ст. 145.
13. Степаненко В.И. Влияние международных договоров на расширение сферы уголовной юрисдикции // Исполнение международных договоров СССР (Вопросы теории и практики) : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 99–108.
14. Каюмова А.Р. Перспективы кодификации универсальной юрисдикции государств // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 106–116.
15. Сборник международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам. – М., 1988.